

Котон кивнул. Чими протянул ему небольшой двухъярусный органайзер для таблеток.

— Мы тут с Хэн глянули лекарства, которые вы притащили, — объяснил Чими. — Бак, балда этакая, свалил всё в кучу, так что мы разложили пилюли по ячейкам. Если понадобится перевязка или мазь сменить — заходи, сделаем. И давай сегодня без подвигов: марш спать. Почувствуешь себя неважно — сразу зови, наша комната прямо по соседству.

Такая забота тронула Котона до глубины души.

— Спасибо вам огромное, — искренне поблагодарил он.

— Пустяки, дело житейское, — отмахнулся Чими. Но тут же заговорщически подмигнул и хохотнул: — Хотя, если правда благодарен, с тебя роскошный ужин, как только поправишься.

Котон прекрасно понимал этот язык дружеских подначек. Он шутливо ткнул Чими кулаком в плечо:

— Договорились.

Чими комично схватился за грудь, изображая смертельное ранение, и, утягивая за собой Хэн, потащил её в комнату — якобы на срочный медосмотр. Бобби лишь с улыбкой наблюдал за этим ребячеством, даже не думая их одёргивать.

Именно в такие минуты Котону казалось, что оказаться в чужом, совершенно незнакомом мире, вдали от прежней жизни — это вовсе не приговор. Теплота этих ребят и поддержка коллег из диспетчерского центра стали для него тем самым спасительным якорем, который помог пережить первые, самые тёмные недели страха и растерянности.

Отгнав внезапно нахлынувшую сентиментальность, Котон позвал Бака и попросил помочь обмотать раненую руку пищевой плёнкой. От кожи разлило засохшей кровью и потом. Терпеть это дальше не было никаких сил; лечь так в постель казалось изощрённой пыткой.

Бак пытался было отговорить его от водных процедур, но, столкнувшись с упрямым взглядом, сдался. Он наложил плёнку в несколько слоёв, придирчиво проверил герметичность швов и, строго-настрого наказав звать его при малейших трудностях, ушёл к себе.

Котон наскоро ополоснулся под душем — управляться одной рукой было то ещё удовольствие, — переоделся и рухнул на кровать. Уставившись в потолок, он принялся по крупницам восстанавливать в памяти события безумного дня. Внутри крепко смутное ощущение, будто от него ускользнула какая-то важная, ключевая деталь, но выудить её из пучины воспоминаний никак не удавалось.

Он ведь спрашивал у Джорджа, часто ли в диспетчерскую поступают подобные вызовы. Тот

ответил, что люди под кайфом действительно ловят жуткие галлюцинации, но обычно запрещённые вещества лишают их координации, угнетая нервную систему. Здесь же всё было иначе: нападавшие не только сохраняли подвижность, но и демонстрировали звериную агрессию. Похоже, догадка Котона подтверждалась — этот дрянной препарат многократно усиливал скрытые навязчивые идеи, начисто стирая грань между бредом и реальностью.

Мысли путались, тело наливалось свинцовой тяжестью. Навалившаяся усталость взяла своё, и Котон провалился в глубокий, бездонный сон.

Среди ночи он проснулся от дикого озноба, сменяющегося удушливым жаром. Веки словно склеило, а в пересохшем горле полыхал пожар. Приплыли — лихорадка. Котон осторожно коснулся повреждённого предплечья: кожа горела, пульсируя тупой болью. Явные признаки воспаления. С другой стороны, после ранения он долго ходил в промокшей от пота одежде, а на фоне стресса иммунитет мог просто дать сбой, пропустив банальную простуду. Котон немного поколебался, решая, стоит ли будить ребят или поискать жаропонижающее, но в итоге мысленно махнул на всё рукой, зарылся поглубже в одеяло и заснул снова.

Когда он открыл глаза, солнце уже стояло высоко — дело шло к полудню. Во всём теле разливалась характерная после сильного жара слабость. Стоило шевельнуться, как тыльную сторону ладони обожгло острой болью. В ту же секунду из комнаты донёсся тихий, спокойный голос:

— Лежи спокойно, не дёргайся. Тебе капельницу поставили, уже почти всё выкапало. Ещё бы немного, и Бобби лично отвёз бы тебя по скорой в приёмный покой.

Котон повернул голову. Возле кровати на стуле сидела Хэн. Одной рукой она придерживала его запястье, не давая выдернуть иглу, а во второй держала раскрытую книгу.

— Хэн... ты чего тут? — Котон попытался заговорить, но собственный голос прозвучал так сипло и натужно, что он сам испугался. Настоящий скрип несмазанной телеги.

Хэн даже бровью не повела — лишь отложила книгу и протянула ему стакан воды. Вода оказалась идеальной, чуть тёплой температуры. Жадно сделав несколько крупных глотков, Котон почувствовал, как пустыня во рту наконец отступает.

Прочистив горло, он спросил:

— Давно я так? Что со мной вообще стряслось?

Хэн закатила глаза:

— А ты как думаешь? Полез под душ с открытой раной, застудил организм, да ещё и инфекцию подхватил. Скажи спасибо Баку. Парень ночью пошёл в туалет, решил проверить, как ты там, а

у тебя уже мозги закипали от жара.

Хэн усмехнулась, вспоминая ночной переполох. Бак колотил в их с Чими дверь с такой яростью, что казалось, не открой они через секунду — этот лоб притащил бы снизу пожарный таран и вынес косяк к чертям собачьим.

Котон виновато отвёл взгляд. Да уж, сглупил, переоценил свои силы. С виду новое тело казалось крепким и выносливым, а раскисло от пустяковой царапины. В этот момент он остро почувствовал ностальгию по своему прежнему организму. Вот тогда, во времена работы в больнице, выносливость у всех была поистине лошадиная — парней гоняли нещадно, да и девушки пахали наравне с ломовыми извозчиками. Отдежурить сутки, вытащить троих с того света во время сложнейших реанимаций, а после смены завалиться с друзьями в караоке-бар — и откуда только силы брались?

Мысленно обозвав себя размазнёй, Котон признал, что окончательно разнежился и растерял былую закалку. Он твёрдо пообещал себе взяться за спорт и вернуть форму. Но когда именно начать тренировки и с какой стороны подойти к снарядам... Котон блаженно уткнулся щекой в подушку и слабо улыбнулся.

«Пусть этим займётся завтрашний Котон».

Пока они разговаривали, капельница опустела. Хэн ловким движением извлекла иглу и прижала к вене спиртовой тампон, велев поддержать, чтобы не вылез синяк. Из-за приоткрытой двери показалась взъерошенная голова Бака. Заметив, что процедура окончена, он тактично кашлянул:

— Бобби зовёт всех вниз, обед готов.

Парень тут же скрылся, даже не дожидаясь ответа. Бак явно избегал встречаться глазами с Хэн — вчера ночью он знатно потрепал ей нервы своим паническим штурмом.

«Если Котон потом не компенсирует мне это каким-нибудь кулинарным шедевром, я останусь в глубоком минусе», — уныло подумал Бак.

Приведя себя в порядок, Котон спустился в столовую. Хэн, ушедшей чуть раньше, за столом не оказалось. Зато Бобби тут же заботливо поставил перед ним глубокую тарелку с горячей рисовой кашей. Аппетита не было вовсе, но стоило Котону съесть пару ложек, как нежный, деликатный вкус разбудил голод, и он принялся за еду с гораздо большим усердием.

Хэн поднялась на второй этаж в сопровождении чернокожей женщины-офицера полиции.

— Кэп, — обратилась она к Бобби, — у Афины тут дома кое-какие дела нарисовались неподалёку, она перекусит с нами, ладно?

Бобби с широкой улыбкой обнял гостью. Афина присела за стол прямо напротив Бака. Обычно дружелюбный и общительный, Бак демонстративно отвернулся, делая вид, что ужасно занят своей тарелкой. Бобби легонько щёлкнул парня по затылку, заставив того нехотя и сквозь зубы выдать приветствие.

Наблюдать за этой сценой было истинным удовольствием. Ребята шёпотом просветили Котона: между Баком и сержантом Грант в своё время вышло недоразумение. И хотя все обиды давно остались в прошлом, уязвлённое эго Бака всё ещё заставляло его разыгрывать вселенскую драму. Впрочем, никто не принимал его надутые губы всерьёз — для команды это был очередной повод беззлобно позубоскалить над младшим товарищем.

Вдоволь натешившись над пыхтящим от возмущения Баком, Афина перевела взгляд на нового сотрудника:

— А этого симпатичного парня я вижу впервые. Привет, я Афина Грант. Рада знакомству.

Котон вежливо протянул ей руку для рукопожатия:

— Здравствуйте, сержант Грант. Я Котон Эвангелос. Работаю диспетчером в службе 911, а здесь, в сто восемнадцатой, прохожу полевую медицинскую подготовку. Взаимно рад знакомству.

— Просто Афина, — с тёплой профессиональной улыбкой ответила она. — Потребуется помощь по нашей части — звони в любое время. Мой номер есть у Хэн.

Но стоило им взяться за вилки, как сработало неписаное проклятие всех спасателей: как только садишься обедать — жди вызова. Над базой оглушительно взвыла сирена. Пожарные слаженно, без единого лишнего слова повскакали со своих мест, на ходу запихивая в рот последние куски, и лавиной ринулись вниз, к машинам.

Поскольку Котон временно числился в списке раненых, в бой его не взяли. Оставшись в опустевшем здании, он прибрал со стола и понял, что стены части начинают на него давить. Погода на улице шептала, и Котон решил, что небольшая прогулка на свежем воздухе поможет окончательно разогнать остатки лихорадки.

Он быстро набросал Бобби эсэмэску, чтобы капитан не потерял его по возвращении, сунул в карман бумажник и вышел за ворота.